

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА ПРИ ПАЛЕОЛОГАХ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.5.12>

UDC 994“13/14”:37.035.91

LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 06.09.2016

Accepted: 30.09.2016

POLITICAL ELITE UNDER MANUEL II PALAIOLOGOS: THE EVOLUTION OF THE COURT HIERARCHY¹

Tatyana V. Kushch

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. This paper will focus on the political elite of Byzantium in the late fourteenth and early fifteenth centuries and the changes in its structure. According to the analysis of prosopographic data, the number of the ruling elite considerably decreased during the reign of Manuel II Palaiologos. The hierarchy of titles and offices declined, so that many of them, even of supreme level, were not granted anymore, and later disappeared from political life. The central administrative machinery was reduced to the size of the imperial court. The ruling elite incorporated the descendants of famous Byzantine families and persons who established friendly relations with Manuel II. The emperor considerably raised the role of his intellectual retinue. Often without official titles and positions, the intellectuals, nevertheless, became key figures in the empire's political affairs.

However, in parallel to the ruling class that concentrated in the capital, Morea and Thessalonike developed their own local political elites. The hierarchy of officeholders doubled at the level of *despotates*, where positions from the former all-empire administration still existed. The developed system of administration of separate parts of the empire, the reduction of territories, limited financial resources, economic stagnation, and the decline of taxable population caused the degradation of the hierarchy of dignitaries, the simplification of the administrative system, and the change of the nature of mutual relations of the emperor and his courtiers.

Key words: Late Byzantium, Manuel II Palaiologos, political elite, Court Hierarchy, intellectuals.

УДК 94“13/14”:37.035.91

ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 06.09.2016

Дата принятия статьи: 30.09.2016

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ПРИ МАНУИЛЕ II ПАЛЕОЛОГЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРИДВОРНОЙ ИЕРАРХИИ¹

Татьяна Викторовна Куш

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. В центре нашего внимания – политическая элита Византии в конце XIV – первой четверти XV в. и изменения в ее структуре. Как показывает анализ просопографических данных, в правление Мануила II Палеолога численность правящей элиты заметно сократилась. В упадок пришла иерархия чинов и должностей, многие высшие должности и титулы больше не предоставлялись, а в дальнейшем и вовсе исчезли из политического обихода. Сократился центральный аппарат управления, сузившийся до размеров двора. В правящий класс входили потомки известных византийских фамилий, а также люди, состоявшие в дружеских отношениях с Мануилом II. Император заметно повысил политическую роль своего интеллектуального

окружения. Зачастую не обладая официальными титулами или должностями, интеллектуалы становились ключевыми фигурами в политических делах империи.

Однако наряду с правящим классом, концентрировавшимся в столице, в Море и Фессалонике сложилась местная политическая элита. На уровне деспотов, где существовали должности из прежней общеперской номенклатуры, происходило дублирование чиновной иерархии. Сложившаяся система управления разобщенными частями империи, сокращение территорий, ограниченные финансовые ресурсы, экономическая стагнация, уменьшение численности подвластного населения вызвали деградацию чиновной иерархии, упрощение системы управления, изменение характера взаимоотношений императора и его окружения.

Ключевые слова: поздняя Византия, Мануил II Палеолог, политическая элита, придворная иерархия, интеллектуалы.

После восстановления Византии в 1261 г. была возрождена и прежняя политическая модель имперского управления, воссоздана придворная иерархия, возвращена к жизни система титулов и должностей. Трактат Псевдо-Кодина, составленный, по всей вероятности, в правление Иоанна V Палеолога [24, р. 219], наглядно показывает, насколько многоступенчатой и ранжированной оставалась иерархия чинов в раннепалеологовское время. Псевдо-Кодин перечисляет более 80 титулов и должностей, делившихся, в свою очередь, на разряды. Те, кто занимал верхние строчки ранжира, входили в правящую элиту империи. Просопографические изыскания, в свою очередь, позволяют «оживить» исследуемую «табель о рангах», поместив на каждую ступень иерархической лестницы имена обладателей соответствующего статуса. На протяжении периода с конца XIII в. до 80-х гг. XIV в. большинство позиций в чиновной номенклатуре, представленной Псевдо-Кодином, были заняты. В целом можно говорить об относительно стабильном функционировании системы организации властной элиты в данный период.

Однако политические, социально-экономические и демографические процессы, протекавшие в XIV в., не могли не оказать влияния на характер структур власти, специфику функционирования аппарата управления и механизмы формирования правящей элиты. Тема поздневизантийской аристократии, казалось бы, получила должное отражение в историографии. В работах Г. Острогорского [22], А. Лайу [13], Д. Кирицеса [12], К.-П. Мачке и Ф. Тиннефельда [17], Н. Неджипоглу [20] и целого ряда других исследователей рассматривалась специфика палеологовской аристократии, но в фокусе их исследований находилась преимущественно ситуация XIV в. как

наиболее освещенная в источниках и показательная с точки зрения эволюции социальных структур в сравнении с предыдущей эпохой. Конец XIV столетия и весь следующий XV в. в этих работах зачастую обрисованы лишь контурно, без анализа протекавших в тот период социальных сдвигов и перемен. В центре нашего внимания – политическая элита Византии конца XIV – первой четверти XV в. и изменения в ее структуре и функционировании.

Просопографические данные показывают, что в правление Мануила II Палеолога (1391–1425) правящая элита претерпела существенные перемены: ее численность заметно сократилась, состав изменился, да и формировалась она на других основаниях. Об этом свидетельствует упадок прежней иерархии чинов и титулов – многие, даже высшие, титулы больше не предоставлялись, а в дальнейшем и вовсе исчезли из политического обихода.

Изменения коснулись и верхних эшелонов политической элиты. Высшими титулами империи в раннепалеологовский период были деспот, севастократор и кесарь [25, р. 133–134]. Если прежде титул деспота предоставлялся детям, родственникам, наиболее приближенным к императору лицам и соседним правителям (сербским) [2], то теперь им обладали исключительно сыновья василевса. При Мануиле II этот титул носил прежде всего тот, кто получал в управление Морею: до 1407 г. в Мистре правил младший брат императора Феодор I, после смерти которого титул деспота и владение на Пелопоннесе перешли Феодору II, третьему сыну Мануила II. После возвращения в 1403 г. Фессалоники она была передана в управление сперва племяннику императора, соправителю Иоанну VII, а после его смерти – 8-летнему сыну импера-

тора Андронику, который тогда же получил и титул деспота [10, р. 227–234]. Из шести доживших до совершеннолетия сыновей Мануила II при жизни отца только двое обладали титулом деспота. Быть деспотом в это время значило управлять какой-то частью империи.

Многие титулы, входившие прежде в высший и первый разряд табели о рангах, и вовсе не присваивались. Со времени Мануила II мы уже не встретим обладателей титулов севастократора, кесаря, великого доместика, паниперсеста, протовестиария. Сократился центральный аппарат управления, сузившийся, по сути, до размеров двора, что снимало необходимость ранжирования должностей и сохранения отдельных ведомств.

Этот упадок можно объяснить, вероятно, тем, что титулы и чины, многие из которых, согласно Псевдо-Кодину, в XIV в. уже не имели служб и обязанностей², выродились в почетные звания (своего рода синекуры). Но империя не могла позволить себе роскошь содержать титулованную знать, не обремененную какими-то общественно-полезными обязанностями. Таким образом, прежняя чиновная номенклатура в связи с утратой ее функционального назначения – фиксировать иерархический порядок должностей государственного аппарата – к концу столетия постепенно отмерла. Безусловно, не все прежние должности исчезли из политического оборота, но сама иерархия чинов потеряла свою актуальность.

Правящий класс в позднепалеологовское время формировали, прежде всего, потомки известных византийских фамилий (Палеологи, Ласкарисы, Кантакузины, Асаны, Тарханиоты), что подтверждает общепринятый тезис об аристократизации поздневизантийского общества [22, р. 28]. А. Лайу высказала предположение, что в конце XIV – XV в. верхушка византийской аристократии становилась все более замкнутой и наследственной [13, р. 139], а Г. Острогорский и вовсе назвал тех, кто при Палеологах занимал наиболее почетные должности и представлял высшую знать, «своими людьми» императора, подчеркивая родственный характер их отношений [22, р. 28]. Действительно, в родстве с правящей фамилией находились наместник Лемноса, протовестиарит Феодор Палеолог [23, № 21 461], протовестиарит, протостратор, великий стра-

топедарх Марк Палеолог Ягарис [23, № 7 811], великий примикирий Адроник Палеолог Асан [23, № 1 488], протостратор Мануил Кантакузин [23, № 10 979]. Однако тезис о замыкании правящего класса и кровнородственном принципе формирования властной элиты, видимо, все же не стоит принимать безоговорочно.

В поздней Византии сохранялись каналы социальной мобильности, по которым люди незнатного происхождения могли достичь высокого положения. Такими социальными лифтами были образованность³ и дружеские отношения с правителем [1, с. 66]. Мануил II, который, по замечанию Димитрия Кидониса, умел сочетать «обучение литературе и упражнения с оружием» [7, ер. 262. 35–37], всегда уделял большое внимание ученым штудиям, окружал себя образованными людьми, покровительствовал риторам и философам. Именно из этого интеллектуального окружения приходили в политику новые люди⁴. Мануил II значительно повысил политическую роль интеллектуалов, удельный вес которых в императорском окружении заметно вырос. Среди его доверенных лиц были Максим Хрисоверг [23, № 31 123], Димитрий Хрисолора [23, № 31 156], Иоанн Хрисолора [23, № 31 160], Мануил Хрисолора [23, № 31 165], Иоанн Хортасмен [23, № 30 897]. Чаще всего интеллектуалы не обладали официальными титулами или должностями, но тем не менее становились ключевыми фигурами в политической жизни империи. Они действовали как οἰκεῖοι [30, р. 89–99], ближайшие советники, дипломаты, полномочные представители василевса.

Одна из важнейших сфер, где были задействованы представители ближнего императорского круга, – дипломатия. Согласно подсчетам С. Мергиали-Захас, из 21 дипломата, которые по заданию Мануила участвовали в посольствах на Запад, семеро являлись родственниками императора, остальные были связаны с ним дружескими отношениями [19, р. 598]. Среди них встречались и люди весьма скромного социального происхождения (Николай Нотара [3, р. 347], Мануил Оловол [23, № 21 046]). При упоминании имен послов источники указывают на характер их отношений с императором, но без указания их должности или титула [19, р. 599], что весьма симптоматично. Назначая главу миссии, Мануил

в своем выборе руководствовался не только дружескими чувствами, но явно предпочитал представителей образованной элиты.

Ярким примером тому служит политическая деятельность Мануила Хрисолоры [23, № 31 165; 29, S. 15], друга детства василевса, интеллектуала, латинофила и конвертита [1, с. 336–337]. Не занимая официальных должностей, Хрисолора стал одним из главных советников Мануила II в международных вопросах. Это – наиболее показательный пример дипломата-ученого. По поручению императора он побывал при дворах ряда европейских правителей, где вел переговоры о совместной борьбе против турецкой агрессии. В 1415 г. Хрисолора умер в Констанце, куда прибыл для участия в обсуждении на Вселенском соборе вопроса о помощи Византии.

Проиллюстрируем иной характер взаимоотношений между императором и элитой еще одним примером. Димитрий Хрисолора (о его родстве с Мануилом Хрисолорой у нас нет данных) был не только *οἰκείος* императора, дипломатом, но и другом-интеллектуалом. Думается, он не случайно оказался в должности месадзона при Иоанне VII, когда тот получил в управление возвращенную Византию Фессалонику [8, р. 216]. Связанный дружескими отношениями с Мануилом II, Димитрий, вероятно, присматривал за его своеобразным племянником, постоянно тяготевшим к неповиновению. Хрисолора регулярно извещал императора о положении дел в Фессалонике, как свидетельствует их переписка. Император восхищался успехами друга в литературных занятиях, несмотря на его загруженность делами: «Если ты перед лицом стольких препятствий способен с легкостью написать то, что другой мог бы сделать с большим трудом и за долгое время, на что же ты был бы способен, если бы не было бы больше препятствий?» [28, ер. 50. 36–38]. Иоанн Хортасмен, напротив, сетовал на то, что Димитрий Хрисолора был слишком занят должностными обязанностями и не находил времени для писем друзьям [11, ер. 22, S. 171–173].

Среди лиц, не имевших знатного происхождения, но сумевших сделать карьеру при дворе, можно также назвать некоего Димитрия Скарана [23, № 26 035], чиновника в финансовом ведомстве. Своим восхождением

Скаран был обязан, вероятно, родству с Мануилом Хрисолорой и его покровительству. Император назвал Скарана «лучшим среди слуг отечества и господина» [28, ер. 49. 10–11]. Одно из писем Мануила II Палеолога наглядно иллюстрирует механизмы карьерного роста: друг детства императора Мануил Хрисолора ходатайствовал перед правителем о повышении по должности Скарана [28, ер. 49. 12–14].

Еще один пример привлечения к решению государственных задач ученого дает случай Димитрия Кидониса, около сорока лет занимавшего должность месадзона при Иоанне Кантакузине и Иоанне V и лишившегося своего поста в 1386 г. [27, S. 26]. И если в последние годы правления Иоанна V Кидонис действительно был удален от двора, то с приходом к власти Мануила II он оказался приближен к нему в качестве советника, хотя и не получил официальных постов и титулов. Мануил, ценивший его советы, неоднократно упоминал об этом в своих письмах. После отъезда Кидониса в 1396 г. в Италию император писал: «Наши хлопоты об общем деле были бы успешнее, если бы ты был здесь, чтобы помочь речью, здравым смыслом и всем остальным – я говорю так не только из любезности» [28, ер. 31. 9–10]. Да и сам Кидонис упоминал о том, что он всегда старался дать императору «лучшие политические советы, внести наиболее подходящий вклад в общее дело отечества» [7, ер. 432. 97–102].

Показателен также *cursus honorum* Димитрия Ласкариса Леонтариса, который, судя по имени, принадлежал к аристократии по рождению. Его карьера, вероятно, началась на военном поприще – он был военачальником в Морее и Фессалии [23, № 14 676]. Ему как представителю Иоанна VII было поручено принимать от турок в 1403 г. Фессалонику, а в дальнейшем Мануил назначил его регентом при юном сыне императора Андронике, ставшем деспотом этого города [4, р. 115; 20, р. 136]. В 1416 г. в качестве наместника Фессалоники Леонтарис получил задание императора переправить в Константинополь пленного Мустафу, брата Мехмеда I [5, р. 279; 9, № 3 361, 3 362]. В дальнейшем он участвовал в дипломатических миссиях к Мехмеду I (1420/21), в подписании договора с Венецией

в 1423 и 1431 годах. В начале 1428 г. он одержал победу над флотом Карло Токко [11, S. 128]. Леонтарис, как и упомянутые выше персоналии, не имел официальных титулов, но активно участвовал в политических делах, руководствуясь пожеланиями василевса.

Одной из причин сокращения численности правящего класса было финансовое состояние Византии. Империя уже давно утратила единство – ее территории оказались изолированы друг от друга. К концу 80-х гг. XIV в. богатые и обширные владения на Балканах были потеряны, что ударило прежде всего по земельной знати⁵. Если позиции земельных собственников еще оставались сильны на Пелопоннесе, то константинопольская правящая верхушка вынуждена была искать иные источники материального благополучия. Аристократия со второй половины XIV в., как показывают исследования, переключалась на коммерческие операции [14, p. 105–107; 17, S. 158; 18, p. 139–143; 21, p. 120–131]. С другой стороны, представители правящей элиты надеялись на государственные доходы, получаемые в основном с торговли. Место при дворе, как и раньше, обеспечивало более или менее стабильное материальное положение. По выражению И. Шевченко, «императорское солнце по-прежнему грело лучше всего» [26, p. 80]. В речи, обращенной к Иоанну V Палеологу, Димитрий Кидонис как-то перечислил выгоды, которые приносила государственная должность: ее обладатель приобретает землю и дома, выгодно ссужает деньгами торговцев, получает подношения от просителей, чьи просьбы он доводит до императора, распределяет посты, тем самым усиливая собственное влияние, и продвигает своих родственников по карьерной лестнице [7, p. 21. 22–26]. Однако ситуация к концу XIV столетия оказалась крайне тяжелой для государственных финансов, за счет которых прежде кормились управленческий аппарат и придворное окружение.

В казне было недостаточно средств для содержания политической элиты. Кидонис, лишившийся на старости должности, неоднократно испрашивал у императора деньги на свое содержание. Настойчивость его просьб свидетельствует не столько о скупости правителя, сколько об отсутствии средств для обе-

щанных выплат. Мануил II в ответ на неоднократные просьбы Кидониса о финансовой помощи как-то заметил: «Не говори, что императору легко дать тысячу статеров и давать такую сумму часто, когда ему тяжело отстоять власть над страной» [28, ep. 12. 8–10]. Отвечая на просьбы Мануила Хрисолоры о содействии Димитрию Скарану, император заметил, что не может вознаградить того, так как в казне нет денег, но постарается решить вопрос о его продвижении: «Но то, о чем ты просишь нас для него, включает в себя две вещи, обе непростые, и он сам знает это лучше, нежели кто другой, ибо он наш логист и достаточно осведомлен о нашей нужде. Но ради тебя одна из просьб, более значительная, будет удовлетворена, в то время как другая, возможно, будет удовлетворена позже и время между их исполнением не причинит ему никаких беспокойств» [28, ep. 49. 12–14].

Наряду со столичным правящим классом в Морейском и Фессалоникийском деспотатах сложилась своя местная политическая элита. Особенность палеологовской эпохи состояла в растущей роли провинциальной аристократии [13, p. 148–150]. На уровне деспотатов, где существовали должности из прежней общеимперской номенклатуры, происходило дублирование (конечно, в крайне усеченном варианте) чиновной иерархии. Если прежде должность месадзона – одна из ключевых в центральном правительстве [6, S. 316] – существовала только при императоре, то теперь и в Морее, и в Фессалонике появляются свои месадзоны. Деспоты, опираясь на местные элиты, жаловали титулы и чины. В письме брату Феодору, деспоту Морей, Мануил заметил об одном из приближенных деспота, который посетил столицу: «Он, конечно, не пребывал в неведении, что служить мне и служить тебе – одно и то же» [28, ep. 13. 22–23]. Вероятно, местная элита думала иначе.

Мануил несколько раз за время правления посещал Мистру, где демонстрировал свою верховную власть. Как заметил Хортасмен, во время визита на Пелопоннес император «привел все к должному», устранил там нарушения, покарал зло и вознаградил добро [11, S. 199, ep. 42. 10–11]. И хотя Мануил II сохранял за собой верховную власть в империи, деспоты фактически самостоятельно прави-

ли в своих землях, окружая себя собственным двором.

Отмеченные изменения были вызваны, прежде всего, объективными обстоятельствами. Сложившаяся система управления разобщенными частями империи, сокращение территорий, ограниченные финансовые ресурсы, экономическая стагнация, уменьшение численности подвластного населения вызвали деградацию чиновной иерархии, упрощение системы управления, изменение характера взаимоотношений императора и его окружения.

Если подвести итог эволюции византийского правящего класса, то следует отметить, что к концу XIV столетия придворная иерархия пришла в упадок, хотя некоторые титулы и должности еще продолжали существовать. Правящий класс империи, по сути, сводился к окружению василевса. Значение кровного родства с правящей династией⁶, безусловно, было крайне велико, тем не менее в правление Мануила II политическая элита состояла далеко не из одних только родственников императора и не была столь замкнутой, как это может показаться на первый взгляд.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 14-01-00025.

² Это отметил еще Г. Острогорский: [22, р. 27].

³ Как заметил митрополит Фессалоникийский Исидор Глава, образование отличает правящую элиту, поэтому крестьяне, не получающие образования, не пригодны для управления городом: [16, Homily 5. 61–63].

⁴ Как заметил В. Лаурдас, в Византии традиционно высшие эшелоны бюрократии формировались из интеллектуальной элиты: [15, р. 284].

⁵ Г. Острогорский отмечал, что на протяжении XIV в. рост крупного землевладения, подкрепленного привилегиями, достигает своего апогея: [22, р. 18–19].

⁶ Как отмечал Г. Острогорский, «клан Палеологов руководил остатками империи»: [22, р. 28].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куш, Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии / Т. В. Куш. – Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2013. – 456 с.

2. Ферјанчић, Б. Деспоти у Византији и јужнословенским земљама / Б. Ферјанчић. – Београд : Византолошки ин-т САНУ, 1960. – 234 с.

3. Balard, M. La Romanie Génoise (XIIe – début XVe siècle) : in 2 vols. / M. Balard. – Rome ; Genova : École Française de Rome, 1978. – 1008 p.

4. Balfour, D. Politico-historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica (1416/17 to 1429) / D. Balfour. – Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wiss., 1979. – 319 p.

5. Barker, J. W. Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship / J. W. Barker. – New Brunswick ; New Jersey : Rutgers University Press, 1969. – 614 p.

6. Beck, H.-G. Der byzantinische “Ministerpräsident” / H.-G. Beck // Byzantinische Zeitschrift. – 1955. – Bd. 48. – S. 309–338.

7. Démétrius Cydonès. Correspondance / publ. par R.-J. Loenertz. – Città del Vaticano : Biblioteca Apostolica Vaticana, 1960. – Vol. 2. – 497 p. – (Studi e testi, 208).

8. Dennis, G. T. John VII Palaiologos: «A Holy and Just Man» / G. T. Dennis // Βυζαντίο κράτος και κοινωνία. Μνήμη Νίκου Οικονομίδη. – Αθήνα : Εθνικό ίδρυμα ερευνών, 2003. – P. 205–217.

9. Dölger, F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches / F. Dölger. – München ; Berlin : Verl. C.H. Beck, 1965. – T. 5. – 138 S.

10. Ferjančić, B. Despot Andronik u Solunu / B. Ferjančić // Zbornik Filozofskoga Fakulteta. – 1968. – T. 10. – P. 227–234.

11. Johannes Chortasmenos. Briefe, Gedichte und kleine Schriften / publ. H. Hunger. – Wien: Kommission bei Hermann Böhlau Nachf., 1969. – 256 S.

12. Kyritses, D. S. The Byzantine Aristocracy in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries : Ph. D. thesis / D. S. Kyritses. – Cambridge, Mass., 1997. – 461 p.

13. Laiou, A. The Byzantine Aristocracy in the Palaeologan Period: A Story of Arrested Development / A. Laiou // Viator. – 1973. – Vol. 4. – P. 131–151.

14. Laiou, A. The Greek Merchant of the Palaeologan Period: A Collective Portrait / A. Laiou // Proceedings of the Academy of Athens. – Athens : Acad. of Athens, 1982. – P. 96–124.

15. Laourdas, B. Intellectuals, Scholars and Bureaucrats in the Byzantine Society / B. Laourdas // Κληρονομία. – 1970. – T. 2, τεύχ. Β'. – P. 273–292.

16. Laourdas, B. Ἰσιδώρου Ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης. Ὁμιλίες εἰς τὰς ἑορτὰς τοῦ Ἁγίου Δημητρίου / B. Laourdas. – Θεσσαλονίκη : Ἑταιρεία Μακεδονικῶν Σπουδῶν, 1954. – 84 p.

17. Matschke, K.-P. Die Gesellschaft im späten Byzanz. Gruppen, Strukturen und Lebensformen / K.-P. Matschke, F. Tinnefeld. – Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verl., 2001. – 444 S.

18. Matschke, K.-P. Notes on the Economic Establishment and Social Order of the Late Byzantine Kephalaï / K.-P. Matschke // *Byzantinische Forschungen*. – 1993. – Vol. 19. – P. 139–143.

19. Mergiali-Sahas, S. A. Byzantine Ambassador to the West and his Office during the Fourteenth and Fifteenth Centuries: A Profile / S. A. Mergiali-Sahas // *Byzantinische Zeitschrift*. – 2001. – Bd. 94, Hf. 2. – P. 588–604.

20. Necipoğlu, N. The Aristocracy in Late Byzantine Thessalonike: A Case Study of the City's Archontes (Late 14th and Early 15th Centuries) / N. Necipoğlu // *Dumbarton Oaks Papers*. – 2003. – Vol. 57. – P. 133–151.

21. Oikonomidès, N. Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople (XIIIe – XVe siècles) / N. Oikonomidès. – Montréal ; Paris : Inst. d'Études médiévales Albert-le-Grand et Libr. J. Vrin, 1979. – 149 p.

22. Ostrogorsky, G. Observations on the Aristocracy in Byzantium / G. Ostrogorsky // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1971. – Vol. 25. – P. 3–32.

23. Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. – Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wiss., 1976–1994. – Fasz. 1–12.

24. Pseudo-Kodines and the Constantinopolitan Court: Offices and Ceremonies / R. Macrides, J. Munitiz, D. Angelov (eds.). – Farnham : Ashgate Publ. Limited, 2013. – 540 p.

25. Pseudo-Kodinos. Traité des offices / introd., texte et traduction par J. Verpeaux. – Paris : Éd. du centre national de la recherche scientifique, 1966. – 420 p.

26. Ševčenko, I. Society and Intellectual Life in the XIVth Century / I. Ševčenko // *Actes du XIVe Congrès International des Études Byzantines*. – Bucarest : Ed. Acad. Rep. Social. România, 1974. – P. 69–92.

27. Tinnefeld, F. Die Briefe des Demetrios Kydones: Themen und literarische Form / F. Tinnefeld. – Wiesbaden : Harrassowitz Verl., 2010. – 311 p.

28. The Letters of Manuel II Palaeologus / ed. by G. T. Dennis. – Washington : Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1977. – 252 p.

29. Thorn-Wickert, L. Manuel Chrysoloras (ca. 1350–1415). Eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenistischen Studien in der italienischen Renaissance / L. Thorn-Wickert. – Frankfurt a. M. ; Berlin u.a. : Peter Lang Europäischer Verl. der Wiss., 2006. – 319 S.

30. Verpeaux, J. Les oikeoi. Notes d'histoire institutionnelle et sociale / J. Verpeaux // *Revue des études Byzantines*. – 1965. – Vol. 23. – P. 89–99.

Sunset of Empire: the Intellectual Milieu of the Late Byzantium]. Ekaterinburg, Izd-vo UrFU, 2013. 456 p.

2. Ferjančić B. *Despoti u Vizantiji i južnoslavenskim zemljama* [Despots in Byzantium and South-Slavonic Lands]. Beograd, Vizantoloshki inst. SANU Publ., 1960. 234 p.

3. Balard M. *La Romanie Génoise (XIIe-début XVe siècle)* [Romanie Genoese (13th – the beginning 15th centuries): in 2 vols]. Rome; Genova, École Française de Rome, 1978. 1008 p.

4. Balfour D. *Politico-historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica (1416/17 to 1429)*. Wien, Verl. der Österreichischen Akad. der Wiss., 1979. 319 p.

5. Barker J. W. *Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship*. New Brunswick; New Jersey, Rutgers University Press, 1969. 614 p.

6. Beck H.-G. Der byzantinische “Ministerpräsident” [The Byzantine “Prime minister”]. *Byzantinische Zeitschrift*, 1955, vol. 48, pp. 309–338.

7. Loenertz R.-J., ed. *Démétrius Cydonès. Correspondance* [Correspondence]. Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, 1960, vol. 2. 497 p. (Studi e testi, 208).

8. Dennis G.T. John VII Palaiologos: “A Holy and Just Man”. *Βυζαντίο κράτος και κοινωνία. Μνήμη Νίκου Οικονομίδη*. Αθήνα, Εθνικό ίδρυμα ερευνών, 2003, pp. 205–217.

9. Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches* [Regesten of the Imperial Documents of Ost-Roman Empire]. München; Berlin, Verl. C.H. Beck, 1965, vol. 5. 138 p.

10. Ferjančić B. Despot Andronik u Solunu [Despot Andronicos in Saloniki]. *Zbornik Filozofskoga Fakulteta*. Beograd, 1968, vol. 10, pp. 227–234.

11. Hunger H., ed. *Johannes Chortasmenos. Briefe, Gedichte und kleine Schriften* [Letters, Poetry and small Writings]. Wien, Kommission bei Hermann Böhlau Nachf., 1969. 256 p.

12. Kyritses D.S. *The Byzantine Aristocracy in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries*. PhD. thesis. Cambridge, Mass., 1997. 461 p.

13. Laiou A. The Byzantine Aristocracy in the Palaeologan Period: A Story of Arrested Development. *Viator*, 1973, vol. 4, pp. 131–151.

14. Laiou A. The Greek Merchant of the Palaeologan Period: A Collective Portrait. *Proceedings of the Academy of Athens*. Athens, Acad. of Athens, 1982, pp. 96–124.

15. Laourdas B. Intellectuals, Scholars and Bureaucrats in the Byzantine Society. *Κληρονομία*, 1970, vol. 2, pp. 273–292.

16. Laourdas B. Ἰσιδώρου Ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης. Ὁμιλίες εἰς τὰς ἐορτὰς τοῦ Ἁγίου Δημητρίου [Isidoros Archbishop of Thessaloniki.

REFERENCES

1. Kushch T.V. *Na zakate imperii: intelektualnaya sreda pozdney Vizantii* [At the

Homilies to the Feast of St. Demetios]. Θεσσαλονίκη, Ἑταιρεία Μακεδονικῶν Σπουδῶν, 1954. 84 p.

17. Matschke K.-P., Tinnefeld F. *Die Gesellschaft im späten Byzanz. Gruppen, Strukturen und Lebensformen* [The Society in the Late Byzantium. Groups, Structures and Forms of Life]. Köln; Weimar; Wien, Böhlau Verl., 2001. 444 p.

18. Matschke K.-P. Notes on the Economic Establishment and Social Order of the Late Byzantine Kephala. *Byzantinische Forschungen*, 1993, vol. 19, pp. 139-143.

19. Mergiali-Sahas S. A Byzantine Ambassador to the West and his Office during the Fourteenth and Fifteenth Centuries: A Profile. *Byzantinische Zeitschrift*, 2001, vol. 94, iss. 2, pp. 588-604.

20. Necipoğlu N. The Aristocracy in Late Byzantine Thessalonike: A Case Study of the City's Archontes (Late 14th and Early 15th Centuries). *Dumbarton Oaks Papers*, 2003, vol. 57, pp. 133-151.

21. Oikonomidès N. *Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople (XIIIe - XVe siècles)* [Greek and Latin Men of affairs of Constantinople (13th–15th centuries)]. Montréal; Paris, Inst. d'études médiévales Albert-le-Grand et Libr. J. Vrin 1979. 149 p.

22. Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy in Byzantium. *Dumbarton Oaks Papers*, 1971, vol. 25, pp. 3-32.

23. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit* [Prosopographic Lexicon of Palaiologan Time]. Wien, Verl. der Österreichischen Akad. der Wiss., 1976-1994, pp. 1-12.

24. Macrides R., Munitiz J., Angelov D., ed. *Pseudo-Kodinos and the Constantinopolitan Court: Offices and Ceremonies*. Farnham, Ashgate Publ. Limited, 2013. 540 p.

25. Verpeaux J., ed. *Pseudo-Kodinos. Traité des offices* [Treatise of Offices]. Paris, éd. du centre national de la recherche scientifique, 1966. 420 p.

26. Ševčenko I. Society and Intellectual Life in the XIVth Century. *Actes du XIVe Congrès International des études Byzantines*. Bucarest, Ed. Acad. Rep. Social. România, 1974, pp. 69-92.

27. Tinnefeld F., ed. *Die Briefe des Demetrios Kydones: Themen und literarische Form* [The Letters of Demetrios Kydones: Themes and Literary Form]. Wiesbaden, Harrassowitz Verl., 2010. 311 p.

28. Dennis G.T., ed. *The Letters of Manuel II Palaeologus*. Washington, Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1977. 252 p.

29. Thorn-Wickert L. *Manuel Chrysoloras (ca. 1350-1415). Eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenistischen Studien in der italienischen Renaissance* [Manuel Chrysoloras (ca. 1350-1415). The Biography of the Byzantine Intellectual against a background of Hellenic Studies in Italian Renaissance]. Frankfurt a. M., Berlin u.a., Peter Lang Europäischer Verl. der Wiss., 2006. 319 p.

30. Verpeaux J. Les *oikeoi*. Notes d'histoire institutionnelle et sociale [The *oikeoi*. Notes of Institutional and Social History]. *Revue des études Byzantines*, 1965, vol. 23, pp. 89-99.

Information About the Author

Tatyana V. Kushch, Doctor of Sciences (History), Head of Department of Ancient and Medieval History, Ural Federal University, Prosp. Lenina, 51, 620000 Ekaterinburg, Russian Federation, tkushch@yandex.ru.

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Куш, доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории древнего мира и средних веков, Уральский федеральный университет, просп. Ленина, 51, 620000 г. Екатеринбург, Российская Федерация, tkushch@yandex.ru.